

* * *

Несовпадение. Путаница карт.
Ещё не вечер, но уже не утро,
Готовое направить свой азарт
По голубой спирали перламутра

Туда, где сад особенно тенист
И звонкий лёд кладут в стаканы с виски,
И, ставший на колени, теннисист
Шнурует кеду юной теннисистке.

Когда ты это видел и при чём
Картинка под Набокова, где Ева
Не яблоком, но теннисным мячом
На корте искушает пионера?..

Откуда этот непонятный пласт
Воспоминаний, наслоение ила,
Когда тебя нежданно обдаст
Волной того, что не происходило?..

И ты живёшь, как будто по другой
Программе телевиденья в концерте
Участвуешь, и нету под рукой
Ни жизни доморощенной, ни смерти!..

Рождественская ночь

Как хорошо в рождественскую ночь
Лежать в обнимку с милым существом,
Которое смогло тебе помочь,
Все беды отодвинув «на потом».

Как хорошо не числиться, хоть миг,
В составе городского поголовья,
Захлопнуть время — худшую из книг —
И нежный воск зажечь у изголовья.

И что бы там ни ожидало вас,
Но не пройдёт сквозь временное сито
Со шлаком жизни просветлённый час,
В котором и единственно, и слитно:
Жены уснувшей тихое тепло,
Шажки минут и беглый запах ёлки...

А за стеной морозно и темно,
И кажется, что где-то воют волки.

* * *

А. Васильеву

Мы — горсточка потерянных людей.
Мы затерялись на задворках сада
И веселимся с лёгкостью детей —
Любителей конфет и лимонада.

Мы понимаем: кончилась пора
Надежд о славе и тоски по близким,
И будущее наше во вчера
Сошло-ушло тихонько, по-английски.

Ещё мы понимаем, что трава
В саду свежа всего лишь четверть года,
Что, может быть, единственно права
Похмельная, но мудрая свобода.

Свобода жить без мелочных забот,
Свобода жить душою и глазами,
Свобода жить без пятниц и суббот,
Свобода жить как пожелаем сами.

Мы в пене сада на траве лежим,
Портвейн — в бутылке,
как письмо — в бутылке,
Читай и пей! И пусть чужой режим
Не дышит в наши чистые затылки.

Как хорошо, уставясь в пустоту,
Лежать в траве среди металлолома
И понимать простую красоту
За гранью боли, за чертой надлома.

Как здорово, друзья, что мы живём
И затерялись на задворках сада!..
Ты стань жуком, я стану муравьём
И лучшей доли, кажется, не надо.

1972 год

Олегу Яновскому

1

А жил я в доме возле Бронной
Среди пропойц, среди калек.
Окно — в простенок, дверь — к уборной
И рупь с полтиной — за ночлег.

Большим домам сей дом игрушечный,
Старомосковский — не чета.
В нём пахла едко, по-старушечьи,
Пронзительная нищета.

Я жил затравленно, как беженец,
Летело время кувырком,
Хозяйка в дверь стучала бешено
Худым стервозным кулаком.

Судьба печальная и зыбкая
Была картиной и рассказом,
Когда она, как мать над зыбкою,
Спала, склонясь над унитазом,

Или металась в коридорчике,
Рукою шарила обои,
По сыну плакала, по дочери,
Сбежавшая с офорта Гойи.

Но чаще грызли опасения
И ночью просыпался зверь.
Кричала: — «Сбегай к Елисееву
За водкой!..» — и ломилась в дверь.

Я в это время окаянное,
Средь горя и макулатуры,
Не спал. В окне галдели пьяные,
Тянуло гарью из Шатуры.

И я, любивший разглагольствовать
И ставить многое на вид,
Тогда почувствовал, о Господи,
Что эта грязь во мне болит,

Что я, чужою раной раненный,
Не обвинитель, не судья —
Страданий страшные окраины,
Косая кромка бытия...

2

Как обозвать тот год, когда в пивных
Я находил забвенье и отраду
За столиком на лавках приставных,
Вдыхая жизни крепкую отраву?..

Ещё не зная, что и почему,
В квартире у татарина Джангира
Я пил вино в махорочном дыму
Жестокого расхристанного мира,

Где в подворотне властвовал кулак
И головы звенели от затрещин,
Где мутный бар напоминал бардак
И пахло рыбой от весёлых женщин.

Как обозвать тебя, безумный год
Москвы, уже исчезнувшей в овраге
Глухих времён, где шелудивый кот
Читал свои доклады по бумаге.

И ожидал тюрьмы да Колымы,
В Рязани не тоскуя по Вермонту,
Писатель, будораживший умы;
И слух гулял, как ветерок по понту:

«Что выручил коллега по перу,
Что рукопись увёз прозаик с Рейна...»
О, год, ушедший в чёрную дыру
Дымящейся Шатуры и портвейна!

Как обозвать тебя, как обласкать?..
Немытый, словно кружка в общепите,
Ты был прекрасен!.. Если обыскать
Словарь, то не найду другой эпитет.

Ты был прекрасен!.. Хоть в чужом доме
Я ночевал и пиво пил в подвале,
Но молодость была и потому
Со мною времена не совпадали.

* * *

Лагерей и питомников дети,
В обворованной сбродом стране
Мы должны на голодной диете
Пребывать и ходить по струне.

Это нам, появившимся сдуру,
Говорят: «Поднатужься, стерпи...»
Чтоб квадратную номенклатуру
В паланкине носить по степи.

А за это в окрестностях рая
Обещают богатую рожь...
Я с котомкой стою у сарая
И словами меня не проймешь!

Памяти бабушки

За стёклами хлопья витали,
Разъезжая площадь пуста.
В ночные безбрежные дали
Вокзал отпустил поезда.

И с Богом!..
Когда отъезжали
Тоску за границей лечить, —
Дома Петербурга бежали,
Стремясь на подножку вскочить.

Красавица в шубке, ужели
Грядущего груз по плечу?..
Железной верстой Викжеля
За вашим составом лечу.

А вы улыбаетесь тонко
Какому-то звуку в себе...
Всего вам, родная, но только
Не думайте о судьбе.

Живите в беспечном угаре
На грани любви и греха...
Пусть после на грязном базаре
И кольца уйдут, и меха.

Летите сквозь промельк нечастый
Огней за кромешной чертой...
Пусть после ваш мальчик несчастный
Оставит меня сиротой.

Я буду амуром сусальным
Незримый полёт совершать,
Над вашим сидением спальным
Стараясь почти не дышать.

Живите, пока ещё рано
Платить за парчу и атлас...
Я после Ахматову Анну
Прочту как посланье от вас.

А нынче, безмолвие края,
Свистит вылетающий пар
И, словно забрызганный кровью,
Во мраке летит кочегар...

* * *

Невесело в моей больной отчизне,
Невесело жнецу и соловью.
Я снова жду слепого хода жизни.
А потому тоскую или пью.
Невесело, куда бы ни пошёл, —
Везде следы разора и разлада.
Голодным детям чопорный посол
В больницу шлёт коробку шоколада.
Освобождаясь от лошадиных шор,
Толпа берёт билеты до америк,
И Бога я молю, чтоб не ушёл
Под нашими ногами русский берег...

* * *

Сжимается шагрень страны,
И веет ужасом гражданки
На празднике у Сатаны,
И оспа русской перебранки
Картечью бьёт по кирпичу,
И волки рыщут по Отчизне,
И хочется задуть свечу
Своей сентиментальной жизни.

Но даже там, где рвётся нить
Судьбы, поправшей дрязги НЭПа,
На дальних перекрёстках неба
Души не умиротворить...